

цова. 1992. — http://spintongues.msk.ru/bohm/bohm.htm#_14, — 22.05. 2007).

- ⁷ Субъектность — это способность индивида быть субъектом активности. О *causa sui* как психологической реальности. *Я как causa sui* и субъектности см.: *Петровский В.А.* Идея свободной причинности в психологии (<http://www.psychology.ru/library/00074.shtml> — 29.06.09)/
- ⁸ «Теряет» — в том смысле, что такое знание не может дать ему ответа, как поступить в данном случае. Конечно, человек не утрачивает накопленной за годы информации и не забывает социально-ролевого поведения. Однако решает он как будто в первый раз — в этом и состоит его личная, индивидуальная ответственность. В противном случае, если бы решение можно было вывести просто из суммы предыдущего опыта, работу врача можно было бы передоверить компьютеру.
- ⁹ *Андреев Л.Н.* Правила добра (http://az.lib.ru/a/andreew_l_n/text_0460.shtml — 15.06.09).
- ¹⁰ «Индивидуальный разум имманентен, но не только телу, а также контурам и сообщениям вне тела. Также есть больший Разум, в котором индивидуальный разум — только подсистема. Этот больший Разум можно сравнить с Богом, и он, возможно, и есть то, что некоторые люди понимают под “Богом”, однако он по-прежнему имманентен совокупной взаимосвязанной социальной системе и планетарной экологии» (*Бейтсон Г.* Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. — М.: Смысл, 2000. — С. 426).

Аннотация

Статья посвящена анализу телесного аспекта разума как методологической идеи постнеклассического этапа развития когнитивной науки (на примере одной из современных психотехнологий — нейролингвистического программирования). Осознание наличного состояния континуума тела-ума «здесь-и-сейчас» рассмотрено как основание практики мышления и взаимодействия. Понимание, что «знание» представляет собой не только текст, но и невыразимое индивидуальное осознание телесных состояний, описано как то, что способствует становлению аналоговых человекообразных технологий.

Ключевые слова:

разум, телесное состояние, осознание, инструмент мышления, понимание, выбор, дискретная, цифровая информация, континуальная, аналоговая информация, аналоговые органические технологии, постнеклассическая эпистемология.

Summary

The article is dedicated to the analysis of the somatic aspect of the mind as methodological idea of the post-non-classical evolution period of cognitive science (shown by an example of one of the modern psychotechnologies, i.e. neuro-linguistic programming). The understanding of continuum state of body and mind «here and now» is viewed as a basis of thinking practice and interaction. The process of realizing that «knowledge» is not only the text, but also inexpressible individual understanding of corporal states, is described as something which contributes to the formation of analogue man-size technologies.

Keywords:

mind, somatic state, consciousness, instrument of thinking, understanding, choice, digital information; continuous data and analogue information.

Литература: философская рефлексия

ПЕТЕРБУРГ ДОСТОЕВСКОГО — НЕПОТОНУВШАЯ АТЛАНТИДА*

В.К. КАНТОР

Когда русская эмиграция первой волны немного пришла в себя, русские мыслители стали вспоминать и размышлять над тем, что они потеряли. Что самого дорогого было в оставленной ими России. И всплыло очень отчетливо и прежде прочих три имени: Петербург, Пушкин и Достоевский, ибо все они вдруг поняли, что «почти вся зарубежная Россия — лишь оторванные члены России петербургской»¹. А Пушкин и Достоевский — поэты и певцы этого петербургского духа. Интересно, однако, что для Запада выразителем высших духовных достижений России стал не Пушкин, а другой, тоже абсолютно петербургский писатель, — Достоевский.

Достоевский — пограничный писатель. Он описывает, как дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей. И место борьбы, где бьются эти сердца, в его главном городе, который словно возник из небытия и находится как бы на границе двух миров. Город, который попытался впитать в себя, а потом нести в себе культуру цивилизованных европейски-христианских и имперских городов. «Арийская цивилизация» (если воспользоваться термином Достоевского) знает не так много подобных структур. Это, конечно, Александрия, Рим, Константинополь, чуть позже — Лиссабон, Лондон, Париж. Теперь можно назвать и последний в этом ряду — Нью-Йорк. Как и Петербург, как всякий имперский город, он сплошь состоит из архитектурных цитат. Но в результате — нечто очень целостное. Таков же и Петербург. Только Нью-Йорк на твердой каменной глыбе, а Петербург, как говорили практически все русские писатели, возник из болота, поэтому бесовская болотная стихия все время колышется под ногами. Бердяев писал: «Магической волей Петра возник Петербург из ничего, из болотных туманов. Пушкин дал нам почувствовать жизнь этого Петербурга в своем “Медном всаднике”. Славянофил-почвенник Достоевский был странным образом связан с Петербургом, гораздо более, чем с Москвой, он раскрывал в нем безумную русскую стихию. Герои Достоевского большей частью петербургские герои, связанные с петербургской слякотью и туманом. У него можно

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 09-03-00780a/P).

найти изумительные страницы о Петербурге, о его призрачности. Раскольников бродил около Садовой и Сенного рынка, замышляя свое преступление. Рогожин совершил свое преступление на Гороховой. Почвенник Достоевский любил беспочвенных героев, и только в атмосфере Петербурга могли существовать они. Петербург, в отличие от Москвы, — катастрофический город»².

Слово Достоевского и вправду было горьким и болезненным. Эту горечь, точнее сладость горечи он впитал из трагического пафоса христианства. «Страдать надо, страдать», любил повторять писатель. Сам страдал немало. Но это страдание очистило душу и указало тот христианский свет, которым пронизан был город Святого Петра. Город, где едва ли не впервые в истории России православные, лютеране и католики вступили в творческий диалог, и потому столь ненавистный всяческой бесовщине, пытавшейся уничтожить высокую культуру. Борьба бесов («шигалевщина») против рафаэлевской Мадонны, Шекспира, Шиллера закончилась их временной победой. Но, в конечном счете, победил, как явление мировой культуры, остался жить во времени, а потому и победил — Достоевский.

Сейчас трудно вообразить, наблюдая за фантастической славой Достоевского, влияние которого признают самые великие писатели Европы и которого изучают тысячи исследователей — литературоведов, философов, психологов и т.п., что когда-то именно этот писатель страдал не только от того, что его не понимают, но от того, что его просто не желают замечать даже так называемые собратья по перу. Нет, начало было блистательным. Его принял и воспел самый знаменитый критик 40-х годов Виссарион Белинский, но он же первый и охладил к нему, заметив, что каждое новое произведение Достоевского — это падение. Публика следовала за критиками-кумирами. А они в лучшем случае обращали внимание на социальность, любовь к бедным людям и незаурядный психологизм Достоевского. Устно хорошие слова сказал друг и пьяница Аполлон Григорьев по поводу «Записок из подполья», увидев в них намек на «новое слово». Но, пожалуй, это и все. Тургенев писал на него эпиграммы, Толстой не желал даже знакомиться. А самый заметный властитель умов конца 70-х годов Михайловский отказывал ему во всяком философском значении. Когда «Преступление и наказание» сравнили с «Отверженными» Гюго, для Достоевского это была высшая в жизни похвала, хотя по значению в мировой культуре сегодня трудно сравнить Гюго и Достоевского: слишком несоизмеримы масштабы. Достоевский страдал от мелочных укусов литераторов-современников. Его предпочитали не замечать, а его обращение к религиозной проблематике приписывали скорее невежеству, ибо не писал же он трактатов как Лев Толстой, ересиарх, конечно, но проштуди-

ровавший невероятное количество философской и религиозной литературы. В письмах к близким людям Достоевский огрызнулся на эти придирки, писал, что он не как дурак и фанатик в Бога верует, что глубину пережитого им сомнения, а соответственно и сознательность, и силу веры в Христа трудно измерить, но вообще-то был очень раним и зависим (не духовно, психологически) от постоянных уколов самолюбия.

«Идиот» и «Подросток» прошли, строго говоря, незамеченными. «Бесы» вызвали политический ажиотаж. Настроение писателя, к примеру, в 1876 г. достаточно точно передает его жена: «Иногда Федор Михайлович откровенно высказывал жалобы на то, как к нему несправедливы были иные люди и как старались его оскорбить или задеть его самолюбие. Надо правду сказать, люди его профессии, даже обладавшие умом и талантом, часто не щадили его и мелкими уколами и обидами старались показать, как мало значил его талант в их глазах»³. Она приводит действительно мелкие и беспощадные замечания, типа «некогда», «молодежь читает», «все руки не дойдут». Или: в «Идиоте» неточно изображена беседа в Павловске. А чуть позже некто даже не поленился и с хронометром в руках прочитал речь прокурора из «Братьев Карамазовых», чтобы проверить насколько точно определил Достоевский время, затраченное прокурором на эту речь, и с удовольствием сообщил писателю, что тот ошибся. Анна Григорьевна резюмирует: «Все это были, конечно, мелкие уколы самолюбия, недостойные этих умных и талантливых людей, но тем не менее они действовали болезненно на расстроенные нервы моего больного мужа. Я часто негодовала на этих недобрых людей и склонна была (да простят мне, если я ошибалась) объяснять эти оскорбительные выходки “профессиональной завистью”, которой у Федора Михайловича, надо отдать ему в том справедливость, никогда не было, так как он всегда отдавал должное талантливым произведениям других писателей, несмотря на разницу в убеждениях»⁴. Сам Достоевский в письме к жене (от 22 июня 1875 г.) с нескрываемым ущемленным самолюбием пишет о Льве Толстом: «Я его в лицо не знаю, но не думаю, чтобы он захотел знакомиться, а я, разумеется, сам не начну»⁵.

Грустно и трогательно читать в воспоминаниях Вс.С. Соловьева о визите Достоевского к гадалке Фильд в 1877 г., о растерянности писателя, явном недоверии к словам гадалки, которая «предрекла ему большую славу». И как он просил Вс. Соловьева: «Только не распространяйте этого между посторонними до времени, может, все наврала, глупо выйдет»⁶. Причем и он, и Соловьев, и повторившая эту историю Анна Григорьевна думали о прижизненной славе, которая вроде бы пришла к нему на Пушкинском празднике. Никому и в голову не могло прийти, что эта слава

означала лишь восторг публики от публичной лекции писателя. И не имела ничего общего с той всемирной славой, которую приносят художественные и духовные откровения. На такую славу Достоевский не смел даже надеяться, понимая, что Европе он неизвестен, а в своем отечестве его ценят больше как публициста, автора «Дневника писателя», нежели как художника и мыслителя, не говоря уж о навете одного из «друзей» писателя, критика Н.Н. Страхова, обвинившего Достоевского в письме к Л.Н. Толстому в насилии над малолетней. Ведь Страхов прекрасно понимал, что вся переписка Толстого рано или поздно станет достоянием общественности. И, конечно, репутация Достоевского как духовного пророка и властителя дум в контексте такого «разоблачения» станет невозможной. В 1911 г. В.В. Розанов констатировал: «Толстой был вообще весь и всегда “в удаче”, и его “Крейцерова соната” еще в литографском тиснении была прочитана всею Россией, и Россия о каждой странице “Крейцеровой сонаты” не только подумала, но и мучительно ее пережила. Достоевский, напротив, был и до сих пор остается “в неудаче”»⁷.

Тем не менее, слава, мировая слава, пришла. Его почитали Фридрих Ницше и Зигмунд Фрейд, Томас Манн и Альбер Камю, Уильям Фолкнер и Гуго фон Гофмансталь. Скажем, в 1921 г. Гофмансталь в своей статье «Взгляд на духовное состояние современной Европы» уверенно констатировал: «Если у нашей эпохи и есть духовный властитель, то это Достоевский»⁸. Не забудем и того, что Достоевский оказался в центре духовных исканий русских мыслителей Серебряного века (будущих русских эмигрантов), крупнейших писателей и мыслителей Западной Европы. Слава его доходила до житейских парадоксов: так, Василий Розанов женился на бросившей Достоевского Аполлинарии Сусловой, возлюбленной писателя, женщине, вдоволь поизмывавшейся над своим немолодым любовником. Достоевский был женат, не мог расторгнуть брак и жениться на Сусловой, которая откровенно изменяла ему со случайными красавицами, издеваясь над его сексуальными способностями. Впоследствии она, однако, написала воспоминания «Годы близости с Достоевским», сообразив величину и масштаб брошенного любовника. Эти воспоминания привели к ней юного поклонника Достоевского философа Василия Розанова, женившегося на Сусловой и натерпевшегося от нее не меньше, чем его кумир.

На большевиков слава писателя и его последователей действовала с точностью до наоборот. Сокрушив великий город, переименовав его⁹ именем разрушителя в Ленинград¹⁰, они также отвергли и «архискверного Достоевского», как определил его Ленин. Им было понятно, что писатель, разоблачивший смысл бесовских деяний, не может существовать в стране бесов. Десятитомник писателя был издан только в 50-е годы, годы хрущевской «оттепели».

В «Поэме без героя» Ахматова лаконично и просто передает исчезновение (усилиями большевиков и советской власти) Достоевского вместе с воспетым им городом. Достоевский запрещен, Петербурга, создавшего русскую культуру, тоже не стало. Вместо него на географической карте появился сначала Петроград, а затем и Ленинград. Все поглотил туман, в котором роились бесы:

И царицей Авдотьей заклятый,
Достоевский и бесноватый,
Город в свой уходил туман.

И, тем не менее, видевший из-за рубежа нечто более важное Г.П. Федотов предсказывал: «Что же может быть теперь Петербург для России? ... Многие из этих дворцов до чердаков набиты книгами, картинами, статуями. Весь воздух здесь до такой степени насыщенный испарениями человеческой мысли и творчества, что эта атмосфера не рассеивается целые десятилетия... Эти стены будут еще притягивать поколения мыслителей, созерцателей. Вечные мысли рождаются в тишине закатного часа. Город культурных скитов и монастырей, подобно Афинам времени Прокла, — Петербург останется надолго обителью русской мысли»¹¹. Так оно и произошло. И немалую роль сыграло то, **какие** мысли были рождены в этом городе. Конечно, Достоевский был «один из», но оказавшийся в центре мировых проблем, ибо именно они и были ему интереснее прочего.

Чудо культуры в том, что «камень, который отвергли строители, сделался главою угла» (Псал. 117: 22). Это великий закон, открытый библейской интуицией и повторенный в христианстве. Этим камнем оказалось творчество Достоевского. Образ Петербурга Достоевского, получивший подтверждение у великого поэта Мандельштама, — это архитектура, это камень. «Камень» назывался первый сборник стихов поэта, о камне он произнес проникновенные слова: «Камень как бы возжаждал иного бытия. Он сам обнаружил скрытую в нем потенциально способность динамики — как бы попросился в “крестовый свод” — участвовать в радостном взаимодействии себе подобных»¹².

Весьма многие в России желали, чтобы Петербург опустился в водную пучину в результате какого-либо катаклизма. Именно сторонники Московской Руси, противники петровских преобразований по сути дела призывали на «град Петров» морские, сиречь людские волны, мечтая о том, как стихия уничтожит регулярный град европейской цивилизации в России. Племянник Чаадаева замечал: «В одном, впрочем, они («славяне». — В.К.) сообща и единогласно сознавали настоятельную необходимость, в окончательном истреблении и уничтожении Петербурга, как города нерусского, басурманского, источника, и притом исключи-

тельного, невероятных зол и, сверх того, живого памятника ненавистного им Петра... В силу славянофильских верований не подлежало сомнению, что рано или поздно, не сегодня, так завтра, волны Балтийского моря зальют Петербург, и таким образом их желания сами собою придут к увенчанию: на том месте, где ныне возвышается город Петра, своенравно заиграет море: столицей, административным и правительственным центром, разумеется, станет Москва»¹³. После победы народной стихии в октябре 1917 г. именно так и случилось.

Бунин в стихотворении «День памяти Петра» (1925) написал, что Сатана

скрыл пучиной окаянной
Великий и священный Град,
Петром и Пушкиным созданный.

Призывы врагов Петербурга и последовавшая гибель великого города невольно приводят на ум дошедший до нас в диалогах Платона «Тимей» и «Критий» миф об Атлантиде, о великой империи, противостоявшей древним Афинам и поглощенной морем. «По Платону, — замечает исследователь, — Критий узнает об Атлантиде в том возрасте и в тех обстоятельствах, когда детей обучают священной истории; иными словами, *сам Платон помещает предание об Атлантиде в мифологический контекст*»¹⁴. Однако Е.Г. Рабинович пишет о возможной реальности Атлантиды, замечая, что в Античности Атлантида — это был «город на Западе», который «возник и покорил мир, а затем своим падением ознаменовал конец целого периода человеческой истории»¹⁵. Вместе с тем, реальность Атлантиды все равно остается в мифологическом контексте. Именно такого — полного — исчезновения Петербурга, этого западного города в России, желали его противники.

В этом контексте любопытно отметить, что Достоевский читал «Государство» Платона, что о Платоне рассуждают его герои. Об этом не раз писали исследователи творчества Достоевского. Иными словами, общее историко-культурное пространство двух мыслителей позволяет это сравнение. Заметим, тем не менее, что миф об Атлантиде был для человечества все же мифом, а Петербург, хотя и оброс мифологическими коннотациями, был все же зримой реальностью.

Н.П. Анциферову казалось, что водное начало — суть Петербурга: «Водная стихия в глазах Достоевского является первоосновой Петербурга, его *sui generis* — субстанцией. В ненастную ночь, когда воет ветер и хлещет дождь или падает снег, и непременно мокрый снег — в такую ночь с особой силой Достоевский воспринимал существо Петербурга»¹⁶. Но, скорее, это некая интеллектуальная аберрация. Петербург был каменной опорой Рос-

сии. Водная стихия окружала каменный город, постоянно угрожала ему, пока не затопила. Петербург, как придуманная Платоном Атлантида, вроде бы ушел на дно¹⁷. Однако Петербург не был мифическим измышлением, он был исторической реальностью. Он воплотился в камне, стихах и прозе, и у него были те подъемные силы, которые извлекли его со дна моря — русская литература (поэзия и проза), русская архитектура, живопись и музыка, — короче, русская культура. Петербургская литература, петербургская культура спасли свой город. Достоевский был одним из тех гениальных работников, кто своими усилиями не давал утонуть, поднимал со дна человеческих душ утонувшую Атлантиду-Петербург, делая достоянием мира тайнознание «русских атлантов», тех, которые тем или иным образом пережили гибель своего материка.

Петр сумел создать пространство, которое формировало европейскую ментальность русских людей. Он сумел создать пространство, которое инициировало фантастические духовные прозрения. И эти прозрения, став интересными всему миру, создали того петербургского писателя Достоевского, которым гордится Россия. Справедливо писал Игорь Волгин: «Достоевский совпадает с Россией как таковой... с той, которая *пребывает*, но какой она в каждый конкретный момент не была и, по-видимому, не будет»¹⁸. Великие проблемы, поставленные Достоевским, создали ту духовную Россию, которая стала интересна миру.

Именно ему, просто и ясно заявившему, что вечные проблемы не уходят, что в превращенном виде они продолжают существовать, и каждый раз требуют нового решения, принадлежит (здесь он делит славу с Ницше) оживление духовных смыслов европейской культуры. И именно он стал восприниматься европейцами как художник и мыслитель, указавший и угадавший, что в ситуации «нетости Бога» (Хайдеггер) возможны самые страшные катаклизмы, которые и произошли. Последствия этих катастроф до сих пор переживает человечество, ища лечение у того мыслителя, который первым поставил диагноз наступавшего кризиса. А поставить диагноз — значит, указать дорогу к лечению.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Федотов Г.П. Три столицы // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. В 2 т. Т. 1. — СПб.: София, 1991. — С. 50.

² Бердяев Н.А. Астральный роман (Размышления по поводу романа А. Белого «Петербург») // Бердяев Н.А. О русских классиках. — М.: Высшая школа, 1993. — С. 310 — 311.

³ Достоевская А.Г. Воспоминания. — М.: Правда, 1987. — С. 321.

⁴ Там же. — С. 322.

⁵ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 29. Ч. II. — Л.: Наука, 1986. — С. 43.

- ⁶ Соловьев В.С. Воспоминания о Ф.М. Достоевском // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 2. – М.: Художественная литература, 1990. – С. 226.
- ⁷ Розанов В.В. Одна из замечательных идей Ф.М. Достоевского // Начала. – М.: Орган философского общества в СССР. 1991. – С. 56.
- ⁸ Hofmansthal H. von. Blick auf den geistigen Zustand Europas // Hofmansthal H. von. Gesammelte Werke. Prosa. Hrsg. von Herbert Steiner. – Frankfurt/M., 1955. Bd. 4. – S. 77.
- ⁹ Хотя стоит отметить, что покровительства Святого Петра город был лишен в начале Первой мировой войны при Николае Втором. Он был переименован в Петроград. Дальнейшие переименования были как бы легитимизированы этим актом.
- ¹⁰ Бунин в ужасе писал, «что Эйфелева башня принимает радио о похоронах уже не просто Ленина, а нового Демуурга», но еще страшнее то, «что Град Святого Петра переименовывается в Ленинград», а потому «охватывает поистине библейский страх не только за Россию, но и за Европу» (Бунин И.А. Миссия русской эмиграции // Бунин И.А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. – М.: Советский писатель, 1990. – С. 354 – 355).
- ¹¹ Федотов Г.П. Три столицы. – С. 53.
- ¹² Мандельштам О. Утро акмеизма // Мандельштам О. Собр. соч. В 4 т. Т. 1. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. – С. 178.
- ¹³ Жихарев М.И. Докладная записка потомству о Петре Яковлевиче Чаадаеве // Русское общество 30-х годов XIX в. Мемуары современников. – М.: Изд-во Московского университета, 1989. – С. 95 – 96.
- ¹⁴ Рабинович Е.Г. Атлантида (контексты платоновского мифа) // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983. – С. 69.
- ¹⁵ Там же. – С. 84.
- ¹⁶ Анциферов Н.П. Проблемы урбанизма в русской литературе. Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – С. 387.
- ¹⁷ См. об этом: Дмитриева О. Ментальное возвращение в Санкт-Петербург. Санкт-Петербург как утраченная Атлантида русской культуры // Путешествие как феномен культуры. Сборник статей (в печати).
- ¹⁸ Волгин И. Возвращение билета. Парадоксы национального самосознания. – М.: Грант, 2004. – С. 743.

Аннотация

В статье показано, что творчество Достоевского сохранило для мира от забвения смыслы и предчувствия петербургской России.

Ключевые слова:

Достоевский, Петербург, европейская ментальность русского человека, предчувствие катастрофы, неудачник, властитель дум.

Summary

The article proves that Dostoyevski's works prevented the global oblivion of senses and premonitions of Petersburg's Russia.

Keywords:

European mentality of Russians, premonition of disaster, looser, person of dominant influence.

«ПРИЗРАКИ» ТУРГЕНЕВА: ПРОБЛЕМА РУССКОГО ЕВРОПЕИЗМА

С.Г. КОЗЛОВА

В своей книге «Русский европеец как явление культуры» В.К. Кантор анализирует истоки русского европеизма, которые он видит в «великом перевороте Петра Первого, вернувшего Россию в Европу»¹. Русские европейцы – сторонники усвоения начал западноевропейской цивилизации. Их отличает стремление ускорить экономический, технический и общественный прогресс страны в направлении, указываемом передовым Западом. Для них Россия в будущем – это европейская страна, а русское должно быть на уровне общеевропейского.

И.С. Тургенев «был первым открытым Европою великим русским писателем»². Русская литература, в лице И.С. Тургенева, показала, что Россия в состоянии усвоить высокие духовные ценности, выработанные европейской цивилизацией на протяжении двух тысячелетий. «...для художника этот культурный билингвизм, состояние, я бы сказал, находимости – вненаходимости в своей культуре, то есть способность чувствовать себя представителем своей культуры и одновременно способность взглянуть на нее со стороны, с высшей или, по крайней мере, равной точки зрения, и создает художественное, бинокулярное зрение, позволяющее увидеть и понять свое родное»³. В.К. Кантор говорит о духовной и мыслительной свободе русского европеиста И.С. Тургенева, о его способности к анализу положения крепостнической России и художественно-философским обобщениям.

«Призраки» – итог многолетних раздумий И.С. Тургенева. Замысел их создания относится к 1855 г. У писателя, по его словам, «набрался ряд картин, эскизов, пейзажей»⁴. Все это не давало ему покоя и представлялось чрезвычайно важным. Именно поэтому в письме к Ф.М. Достоевскому 11 ноября 1861 г. И.С. Тургенев сообщал о будущей повести-фантазии: «Писать ее хочется»⁵. Все, что призраками вставало перед тургеневским героем в его ночных блужданиях, действительно было пережито, передумано и перечувствовано самим автором.

«Призраки»⁶ были написаны в пореформенную пору России, в 1863 г., в момент ломки русского уклада жизни, и имели подзаголовки «Фантазия». В них много личного. И.С. Тургенев писал о них Боткину (8 декабря 1863 г.): «Тут нет решительно никакой аллегии ... Это ряд каких-то душевных dissolving views (отрывочных впечатлений) – вызванных переходным и действительно тяжелым и темным состоянием моего Я»⁷.